

ВДЖЖЖЖЖ

ТОМЪ ХХХV.
ГОДЪ ХVІІІ—1882.

№

14.

СЦЕНКА ИЗЪ

ОДНОГО

ЖИЗНИ

ЛОВЕЛАСА.

Какъ-же мы, красавица, поцѣлуемся-то?

Влѣзайте по жолубю, — мы и поцѣлуемся.

— Вотъ такъ поцѣловался!

Годъ XVIII
1882

Б У Д И Л ь Н И К ь .

Томъ XXXV
№ 14

Содержаніе. I. Календарь „Будильника“. Г. Балдастова.—II. Весеннія пѣсни: Дѣвушка и смерть. С. Архангельскаго. Semper idem! Нико-Ники. Поезія и проза. Ф. Совѣтъ. В—ва.—III. Угнетенная. Сценки съ натуры. В. З. М.—IV. Въ альбомѣ. Стих. Ф.—V. На кузнецкомъ въ праздникъ. (Этюды.) Недра.—VI. Билеты проданы! Стих. Нико-Ники.—VII. Парижскія бѣды: П. Сальвиной нищій. В. З. М.—VIII. Нашъ вѣкъ. Стих. И. В.—IX. То я се.—X. Калейдоскопъ. Бовы.—XI. Провинціальныя экскурсіи. Ерша.—XII. Фонарики. Новаго Дюгена.—XIII. Сцена и кулебы. Никса и Никса.—XIV. Почтовый ящикъ.—XV. Рисунки и парриатуры.—XVI. Рекламы и объявленія.

Безплатная премія: портретъ Т. Сальвини. Слѣдующій № выйдетъ въ пятницу, 16 апрѣля.

КАЛЕНДАРЬ „БУДИЛЬНИКА“
на 1882 годъ.—Мартъ.

Выдающіяся событія, метеорологія, пророчества, всеобщая исторія, коммерція, совѣты, рецепты и проч.

29, понедѣльникъ.—Второй день праздника. Изжога, якота, отрыжка. (Средства излѣченія: magnesia alba, ol. ricini,—дѣта.) Отдыхаютъ послѣ вчерашнихъ визитовъ и обѣдненій. Не будетъ ни дождя, ни снѣга. На бульварахъ сильное движеніе. Въ Зоологическомъ саду «праздникъ». Штыкъ-юнкеръ Франторозновъ, разсматривая списокъ росписавшихся вчера въ его передней, не найдетъ имени поручика Ахахаева и дастъ себѣ слово погубить послѣдняго. Имянинникъ поэтъ М. Яронъ. Восх. сол. 4 ч. 57 м., зах. его же 7 ч. 5 м. Въ сей день писатель Вильямъ Шекспиръ воскликнулъ: о! женщины, женщины! (1640)

30, вторникъ.—Родится великій гаупецъ; „Русскій Сатирическій Листокъ“ подаетъ въ отставку. Рабочіе въ типографіяхъ и литографіяхъ пьяны — какъ стельки, метранжажи — какъ сапожники. Имянинникъ Кифа Мокіевичъ. Крепачскій и Хлестаковъ выходятъ изъ „Новаго Времени“, чтобы издавать собственную газету „Благонамѣренные Козы“. Концертъ чуты не въ каждомъ переулкѣ. Въ Маломъ Театрѣ даютъ „Синичкина“. Восх. сол. 4 ч. 54 м., зах. его же 7 ч. 7 м. Въ сей день произошло великое переселеніе народовъ (707), а Кюперъ сочинилъ латинскую грамматику.

31, среда.—Кромѣ среды и ярмарки въ г. Орлѣ, Орловской губерніи, ничего не произойдетъ. Восх. сол. 4 ч. 51 м., зах. его же 7 ч. 10 м. Въ сей день Эфиальтъ предалъ персамъ отечество (803), князь Мещерскій впервые изобрѣлъ „Гражданина“, Цитовичъ научился писать, родился г. Баталинъ.

Апрѣль.

Мѣсяцъ, имѣющій 30 дней, 30 ночей, 720 часовъ, 43200 минутъ, 2592000 секундъ. Мѣсяцъ дождливый, туманный и грязный. Вырастаютъ травы, позеленеютъ деревья, потеплѣетъ. Въ коммерціи затихнетъ. Замужъ выходятъ и женятся не возбраняется. Шапки дарятся дворникамъ и лакеямъ, а вѣсто шапокъ на головы накладываются шляпы. Шубы несутся въ ссуду подъ залогъ. Концертовъ тѣмъ тѣмущая; между ними преобладаютъ, разумеется, кашачны. Въ сей мѣсяцъ рождаются очень много великихъ людей. Всѣ будутъ счастливы и проживутъ до девяноста лѣтъ. Размноженіе блохъ. Пора подумать о дачѣ!

1, Четвергъ.—Можно надуть всѣхъ. Кто вретъ—тотъ слѣдуетъ обычаю. Мы измѣняемъ сегодня себѣ и тоже вретъ.—„Жить на этомъ свѣтѣ весьма пріятно. Боборыкинъ и Маркеничъ великіе писатели. Умеръ Лохвицаій. Курсы съ каждымъ днемъ повышаются. Мы живемъ не для того, чтобы вѣтъ, а дѣлимъ для того, чтобы жить“... И гаякъ даѣе. Это—день явноватовъ, газетъ и И. А. Хлестакова. Тепло. Кто не вретъ, тому въ Маломъ театрѣ—Синичкинъ, въ Большомъ—Арифа. Случно. Многія Маши имянинницы. Восх. сол. 4 ч. 48 м., зах. его же 7 ч. въ въ сей день Лукуллъ пробѣлъ и пропилъ 400.000 франковъ. (43)

2, Пятница.—Все обстоитъ благополучно. Титы—имянинники и бшуютъ. День рожденія г-жи Монтеръ. Въ г. Ярославлѣ скандалъ: кто-то кого-то по мордасамъ. Прилетаютъ вальдшнепы и дупеля. Въ Маломъ театрѣ „Городъ упрядняется“, въ Большомъ „Дѣва ада“. Затѣмъ солнце и луны, видимы одновременно во всѣхъ частяхъ міра сего. Восх. сол. 4 ч. 45 м., зах. его же 7 ч. 14 м. Изверженіе Этны на Везувіи. Въ сей день Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ, а Акакій Акакіевичъ смилъ себѣ новую шинель. (1842 г.)

3, Суббота.—Азовское море потонетъ въ Таганрогской грязи, Черное море засыплется Одесскою пылью. Имянинники: редакторъ „Современныхъ Извѣстій“, г. Гиларовъ, и полевой Н. П. Крыловъ. Г. Аверкиевъ начнетъ восемнадцатипактную драму, въ стихахъ, „Битва Русскихъ съ Кабардинцами“. Восх. сол. 4 ч. 42 м., зах. его же 7 ч. 17 м. Прохожденіе Венеры Медіцейской черезъ дискъ солнца. Луну видно только въ четвертомъ часу утра. Ночи темныя, звѣздныя, тихія. Въ сей день Навуходоносоръ, будучи звѣрдемъ, скушалъ цуль сѣна. (813)

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) Въ прошлѣмъ номерѣ не было календаря по милости нашихъ профессоровъ черной магіи, которые были пьяны.
- 2) Заблудющій календаремъ приглашаетъ для совокупнаго бумагожарательства многознающаго, трезваго и благомыслящаго историка. Исгорить, принявшаго приглашеніе, благоволятъ обращаться нисменно на имя заблудющаго. За каждое сообщенное имъ событіе—пятакъ звонкою монетой.
- 3) Г-жѣ Н. П. Вы спрашиваете, что намъ дѣлать, чтобы мужъ вашъ не торчалъ постоянно въ кухнѣ и не мѣшалъ вамъ страдать? Вы вотъ что сдѣлайте: разсчитайте кухарку... Павѣрнее она у насъ хорошенька!

За заблудющаго календаремъ „Будильника“—Г. Балдастовъ.

ВЕСЕННІЯ ПѢСНИ.

I.
Дѣвушка и смерть.

Распустилися почки весною,
Запестрѣли цвѣточки въ поляхъ,
Сладко льются, ночью порою,
Соловьиныя трели въ кустахъ...
Торжествуетъ природа, въ объятыхъ
Сладострастныхъ весны золотой,
И, забывъ о вчерашнихъ проклятияхъ,
Сердце полно безумной мечтой.
Сладкой нѣгою дышетъ природа...
Чу! напѣвы такъ чудно звучатъ,—
Про любовь, и про жизнь, и свободу
Эти пѣсни душъ говорятъ...

Только грустенъ всегда я весною
И весеннимъ напѣвамъ не радъ:
Мнѣ насмѣшкой холодной и злою
Эти сладкія пѣсни звучатъ...
И невольно картина мнѣ снится:
Такъ-же пышенъ весенній уборъ,—
Такъ же радостенъ, съ воли—мнѣ снится—
Слышенъ пташекъ ликующей хоръ...
Только въ комнатѣ душистой, страдаи,
Ликованью природа чужда,
Умираетъ, въ чахоткѣ сгорая,
Дочь лишений, борьбы и труда!
Впалой грудью чуть-чуть она дышетъ
И, забывшись въ горячечномъ снѣ,
Она пѣсни прекрасныя слышитъ,
Что поютъ о роскошной веснѣ,—
Что зовутъ съ упоительной силой
Къ наслажденію любви золотой
И опять образъ чудный и милый
На душѣ вызываютъ больнои,—
Что обманчивымъ призракомъ счастья
Раны прежнія вскроютъ опять
И предательскимъ тономъ участія
Станутъ сердца покой растравлять...

Что ей звуки той пѣсни свободной,—
Что ей пѣсни, что къ жизни манятъ,—
Коль весну ея завтра-жъ въ холодной,
Хоть цвѣтущей, землѣ схоронятъ!...

С. Архангельскій.

II.
SEMPER IDEM!

Весна идетъ,—пора простуды,
Пора кашачныхъ серенадъ.—
Пора, въ хоторую шубъ груды
У всѣхъ закладчиковъ лежатъ...

Весна идетъ,—пора чахотки,
Пора любви и сладкихъ грезъ...
И ночи стали ужъ коротки,
И.. портить озими морозъ.

Весна идетъ! Но, мысли зрѣло,
Не стоитъ слишкомъ ликовать...
Ахъ, лишь однимъ не надобно
Весну поэтамъ воспѣвать!

Нико-Ники.

III.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА.

Весна. Миновали морозы.
Природа... какъ въ сказочномъ снѣ,—
Поэзии много; но прозы
Я вижу побольше въ веснѣ,

И ей посылаю проклятья
Я съ бѣдною музой моею:
Вѣдь долженъ я выкупить платье,
А денегъ... „ни драхмы“, ей-ей!

Ф.

IV.

С О В ъ Т Ъ .

Солнышко свѣтитъ тепло и красно,—
Дѣву истема сжигаетъ;
Дѣва-краса отворила окно —
Франтъ за окошкомъ шагаетъ...
Ясенъ весенній и тихъ вечерокъ,—
Полонъ приятной отрады,
Смѣло ворвался въ окно вѣтерокъ...
Съ молодцомъ встрѣтились взгляды.
Воздухъ весенній впиваетъ она,
Взгляды съ ней франтъ чередуетъ...
Дѣва!—уйди поскорѣй отъ окна,
Будь осторожна: *надуетъ*...

В.

Угнетенная.

Сценки съ натуры.

I.

Небольшой, небогато убранный кабинетъ. За столомъ сидитъ Николай Николаевичъ Бѣглецовъ въ домашнемъ, долгополомъ пальто. Дверь открывается настежь, на порогъ останавливается его супруга, Александра Ивановна. Не смотря на исходящій четвертый десятокъ, ея туалетъ очень молодъ и бьетъ въ глаза.

Она.—Наконецъ-то... наконецъ-то изволили отъ-явиться! Смѣю спросить, гдѣ пропадали?..

Онъ.—Какъ пропала? Нигдѣ не пропала. Сидѣлъ тутъ одинъ...

Она.—Пожалуйста... этого не доставало. Кто-же васъ заставлялъ сидѣть одному? Только что пообедали, я пошла одѣваться, а вашъ и слѣдъ простылъ. Спрашиваю, гдѣ баринъ? Ушелъ, никому не сказавшись... Ждала, ждала... по вашей милости чуть въ оперу не опоздала... Угодно вамъ отвѣтить, гдѣ были?

Онъ.—Былъ я у Ивана Петровича. Слѣдовало съ него деньги получить. Онъ сказалъ: между семью и восьмью. Я и пошелъ къ нему. Кому-же это мнѣ нужно сказываться? Лакею, что-ли?

Она.—Если у васъ нѣтъ никого, ближе лакея,

такъ сказывайтесь лакею... чтобы хотя отъ лакея могла узнать ваша жена, что васъ дома нѣтъ.

Онъ.—Я и то, кажется, не по секрету ушелъ.

Она.—А я почему знаю, по секрету или не по секрету вы бѣгаете со двора. Почему я знаю, у Ивана Петровича вы были, или у какой-нибудь Марьи Петровны... Или тамъ еще у какой-нибудь Альфонсинки... или еще гдѣ-нибудь, похуже.

Онъ.—Марья Петровна я никакой не знаю; Альфонсинки давно и въ Москвѣ нѣтъ, а похуже-то я и съ молоду не...

Она.—А вы уже справились, не въ Москвѣ-ли эта гадина? Вамъ это очень интересно знать... очень грустно, что нѣтъ ея!.. Стыдились бы при женѣ произносить это подлое имя. Какъ у васъ языкъ поворачивается! Вы отецъ семейства, у васъ сынъ двѣнадцати лѣтъ. Хорошъ папаша, хорошъ примѣръ!

Онъ.—Ты-же первая назвала Альфонсину, а я и не думалъ. Сынъ давно спитъ.

Она.—Я знаю... давно знаю, что я всегда виновата, а ты всегда правъ. Я назвала, а ты, праведникъ, и обрадовался, и давай повторять на весь домъ: Альфонсинка, Альфонсина... Альфонсиночка!.. Орете такъ, что на улицѣ слышно... Сынъ спитъ... вы хотите разбудить его вашимъ горломъ. Онъ и спитъ-то, бѣдняжка, я думаю, гдѣ-нибудь, одѣтый, въ углу приткнулся.

Онъ.—Что пустяки-то болтаешь. При мнѣ онъ раздѣлся, легъ въ постель и преспокойно...

Она.—А вы и разсыропились,—своими руками штанишки съ него снимали, укрывали одѣльцемъ... Куда вы его готовите? Что выйдетъ изъ этого несчастнаго ребенка, благодаря вашему баловству? Если бы не я...

Онъ.—Ну, хорошо. Что выйдетъ, то и выйдетъ. А теперь надо поужинать, да и спать пора.

Она.—У васъ одно на умѣ,—нажраться да завалиться! Нечего сказать, милая жизнь! Сообразите, что вы дѣлаете съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ? Вотъ четыре мѣсяца мы здѣсь... что вы дѣлали? Жрали, спали... спали, жрали...

Онъ.—А что я такое могъ дѣлать здѣсь? Ты же тащила изъ деревни. Тамъ у меня было дѣло; я цѣлыми днями...

Она.—Торчалъ на гумнѣ да на скотномъ дворѣ; а я издыхала въ четырехъ стѣнахъ. Вы можете довольствоваться такою жизнью, а я не могу залѣзть по уши въ вашъ навозъ и наслаждаться, какъ свинья. Я каждый день слышу ваши упреки, что я васъ тащила. Вы каждую минуту шлите меня вашей деревней. Это просто безсовѣстно!

Онъ.—Пойдемъ ужинать, второй часъ...

Она.—Безсовѣстно, грѣшно! Вамъ опять хочется запереть меня въ вашей трущобѣ, заморить меня, задушить! Такъ нѣтъ-же... нѣтъ, же удастся. Довольно вы меня угнетали. Стосковались о вашей мерзкой деревнѣ, можете одни убираться. По крайней мѣрѣ перестанете терзать меня, хотя разъ въ жизни дадите вздохнуть свободно... Нѣтъ, вамъ не то нужно, вамъ хочется истеранить меня, въ гробъ вколотить!..

Онъ.—Мнѣ ѣсть хочется, я и иду ужинать. (Встаетъ и идетъ въ столовую.)

Она (вслѣдъ ему).—Стѣнь-бы... людей постыдились дѣлать мнѣ такія сцены. Это безсовѣстно,—поддо!..

II.

Столовая. Александра Ивановна въ бѣлой юбкѣ и ночной кофтѣ сидитъ за столомъ. Шиньонъ спать, жиденькія буколки на лбу развилась и, безъ парикмахерскихъ прикрасъ, торчатъ жалкими лохмотиками. Лицо усталое и злое.

Николай Николаевичъ беретъ кусокъ жареной телятины.

Онъ.—Опять разогрѣли телятину. Всю перенарили, какъ мочалку.

Она.—Опять разогрѣли... опять будутъ разогрѣвать... всегда будутъ разогрѣвать.

Николай Николаевичъ ѣстъ, молча.

Она.—Да, будутъ (молча). Всегда... (Молча.) Что-же вы не накидываетесь на меня?... Фу!.. Презрительное молчаніе! Вамъ не нравится разогрѣтая телятина; вы любите холодную, а я ее ѣсть не могу. Ваши чугунные зубы могутъ всякую подошву грызть, а мои не могутъ... Вашъ желу-

докъ можетъ переваривать это салище, а мой не можетъ. Вы способны всякую мерзость глотать, лишь бы напичкаться, а я больна дѣлаюсь, умираю... Вамъ до этого дѣла нѣтъ. Было-бы вамъ хорошо, а тамъ хоть всѣ подохни, вы и не поморщитесь. Такого деревяннаго эгоизма я и не видывала... не слыхивала. Просто, не люди какіе-то! (Молча.) Удостоите словомъ? Скажете вы что нибудь?

Онъ.—Нечего. Вотъ поѣмъ, тогда скажу: покойной ночи.

Она.—Нѣтъ!.. Это ангельское терпѣнье нужно! Только мое ангельское терпѣнье! Я волнуюсь, я страдаю... а онъ хотя бы глазомъ моргнулъ! Изъ эгоизма готовъ убить жену своимъ молчаньемъ, лишь-бы самому не взволноваться, себя не побеспокоить...

Онъ.—Ни волноваться, ни беспокоиться не изъ за чего. Правится тебѣ пареная телятина,—ну, я и ѣмъ. Изъ за чего же тутъ кипитесь?

Она.—Изъ за того... изъ за того, что ты дерево, ты каменный, чугунный... Изъ за того, что ты бездушный человѣкъ. Ты можешь спокойно тиранить несчастную, больную женщину... Ты способенъ терзать человѣка хладнокровно, систематически, какъ палачъ! А я, не могу я переносить этого... Для тебя вотъ въ этой телятинѣ все и дѣло; ты только о телятинѣ и думаешь... ты можешь накалывать брюхо чѣмъ попало; а я больна... Поймите меня, я больна, я умираю. Вы пятнадцать лѣтъ заколачиваете меня въ гробъ и не можете заколотить. Вотъ вы и злитесь, молчите и, какъ извергъ, какъ тиранъ, втихомолку угнетаете меня, изобрѣтаете, чѣмъ бы пришибить окончательно.

Онъ.—Никогда я никого не пришибалъ и не колотилъ...

Она.—А-а! А! По вашему можно колотить только рукою, только палкою! Вамъ только и понятны кулаки да палки! Жаль, что я не имѣю такой силы, чтобы показать вамъ... я бы...

Онъ.—Отдула меня?

Она.—Отдула! За кого вы меня принимаете? Вы совсѣмъ съ ума сошли... вы до того забылись, что принимаете меня, кажется, за такое же животное, какъ вы сами...

Онъ.—Ты же скорбишь душою о томъ, что не можешь драться.

Она.—А, рады прицѣпиться къ каждому слову, чтобы только унижить меня, уязвить и оскорбить... Да, да... я скорблю душою потому, что у меня есть душа, а у васъ нѣтъ ея... Вы придираетесь ко мнѣ на каждомъ шагу, вы перетолковываете каждое мое слово, стараетесь выставить меня чортъ знаетъ чѣмъ.

Онъ.—Передъ кѣмъ это? Мы, кажется, одни.

Она.—А вамъ бы желательно было, чтобы тутъ цѣлая толпа была, всѣ наши знакомые...

Онъ.—Мнѣ желательно спать. Два часа. Покойной ночи. (Встаетъ и уходитъ.)

Она (вслѣдъ ему).—Могли бы меня подождать. Какъ это вѣжливо, какъ мило!.. Сиди тутъ на моемъ мѣстѣ какая нибудь...

Николай Николаевичъ скрылся и затворилъ за собою дверь. Александра Ивановна швыряетъ салфетку, вскакиваетъ съ мѣста и быстро ходитъ по комнатѣ.

Она.—Фу, мученье какое! Такой дубъ можетъ хоть кого свести съ ума!.. (Кричитъ на весь домъ.) Человѣкъ! Человѣкъ! Андрей... человѣкъ! Марѳа!..

Слуги сбѣгаются съ разныхъ сторонъ.

Она.—Что-же, я что-ли буду со стола прибирать, или до завтра такъ останется! Фу! Мучители... дьяволы, проклятые!.. Тотъ и вѣнокъ завалился, дрыхнетъ, ему ни до чего нѣтъ дѣла...

Уходитъ. Нужна ли третья сценка, читатель? Я думаю, что нѣтъ,—тѣмъ болѣе, что... что, можетъ быть, вы и сами отлично сыграли бы роль Николая Николаевича?

В. З. М.

ВЪ АЛЬБОМЪ

Помнишь, какъ съ тобой въ аллеѣ
Мы сошлись въ первый разъ
И, любовью пламени,
Не спускалъ съ тебя я глазъ?

Помнишь: нѣжно ты шептала
Про любовь, про счастье мнѣ,
И въ объятыхъ трепетала,
И горѣла, какъ въ огнѣ...

Проводилъ съ тобой я ночи
Забывая жизни гнѣвъ.
Помнишь... впрочемъ, ставлю точки:
Дальше проза ужъ пойдетъ.

НА КУЗНЕЦКОМЪ ВЪ ПРАЗДНИКЪ.

Сценки.

Звенко гудятъ колокола надъ Москвой-Бѣлокамен-
ной; свѣтлый праздникъ празднуетъ крещеный людъ.

Кузнецкій мостъ кишитъ народомъ. На тротуа-
рахъ толпами двигается взадъ и впередъ праздная
публика, переходя отъ магазина къ магазину.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ!

Щегольское пальто отъ Жоржа и Варнюссона на
плотной фигурѣ савраса, рядомъ—чуйка изъ Охотна-
го рада, лисья шуба, тулупъ, дипломаты, шиджаки,
скрытые широкими плечами, поддевки и съ шакомъ
вздернутыя на плечи военныя шинели...

Титъ Титычъ съ суругой, модистка въ окраше-
нномъ синемъ платочкѣ, завитая голова съ посоло-
въшими глазами, иштукатуренное лицо погипнаго,
не милого созданья, самодовольная физиономія «мно-
странца изъ Ерусалима» и—съ фонаремъ подъ гла-
зомъ рожа загулявшаго мастераваго... Все это не-
прерывной вереницей мелькаетъ передъ глазами.

Шумъ, гамъ, крики возницъ, трескъ колесъ о
камни мостовой, ругань растерявшихся въ толкотнѣ
блюстителей порядка и звонъ колоколовъ сливаются
въ одинъ протяжный гулъ.

По мостовой двигается рядъ экипажей. Покосив-
шіяся на бокъ, дребезжація извожичьи пролетки,
качары разныхъ фасоновъ и разбѣровъ, широчай-
шія лондо, съ каланчей вѣсто козелъ, какія-то
ящики и скамейки на колесахъ, —прихотливыя чу-
жеземныя выдумки,—такъ и ныряютъ и подпрыгива-
ютъ по ухабамъ московской мостовой, грозя еже-
минутно разсыпаться въ дребезги,—и все таки вла-
дѣльцы этихъ диковинокъ торжествуютъ, чувствуя
на себѣ любовныя взоры праздношатающейся толпы.

Рябить въ глазахъ отъ этой нестрой, движущей-
ся картины.

Счастливые владѣльцы «собственныхъ» лошадей
и экипажей сѣдаютъ къ Кузнецкому мосту, на этотъ
базаръ моды и роскоши, одни—чтобы сдѣлать «са-
мые необходимыя» покупки: новое кружево, вѣрвь,
шляпу, тросточку, перчатки, другіе—себя показать и
на народъ посмотреть.

Какія все озабоченныя лица!!

Вотъ, завалившись въ уголь коляски и плотно
закутавшись въ подбитую дорогимъ мѣхомъ таль-
му, ѣдетъ дама, разбѣжно поглядывая на прохо-
жихъ. Пара вороныхъ идетъ ровной рысью; пре-
красныя англійскія рессоры скрадываютъ толчки
мостовой; экипажъ, плавно покачиваясь, быстро
катится по улицѣ... Головка милой дамы занята
рѣшеніемъ трудной задачи, которая не даетъ ей уже
два дня покою: какая шляпка пойдетъ къ весеннему
сѣрму платью? Дама ѣдетъ посоветоваться съ An-
nette и Минагуа. О! онѣ, навѣрно, знаютъ...

Только эти мысли и тѣлятся теперь въ ея ми-
ниатюрной головкѣ; другіхъ нѣтъ,—не о чемъ больше
думать,—все такъ хорошо устроилось!

Тяжелое время прошло и, кажется, безвозвратно.
А какое было тяжелое время! Даже не хочется те-
перь и вспомнить.

Умеръ отецъ, спившись съ кругу, промотавшійся
гвардейскій полковникъ въ отставку. Мать пошла
«въ люди»; занимается гдѣ-то въ деревнѣ хозяй-
ствомъ... Осталась она на рукахъ у старшей, замуж-
ней сестры. Шитвомъ, пячаньемъ дѣтей и без-
прекословнымъ исполненіемъ всѣхъ капризовъ прі-
ютившихъ родныхъ, платила за чужой хлѣбъ...
Вѣдь, и всего-то было 19 лѣтъ, жизнь мачила къ
себѣ, суля радости и наслажденія, а тутъ лишнія,
бѣдность... Когда «онъ» появился въ первый
разъ,—какимъ гадкимъ казался онъ тогда? Все-
гда грязный, эти вѣчно стоптанныя резиновыя га-
лоши на ногахъ, этотъ ужасный фулярный пла-
токъ; ему было 50 лѣтъ, но онъ казался совсѣмъ
старикомъ. Потомъ... потомъ привыкла; ко всему
можно привыкнуть, даже къ ласкамъ брюзглихъ
старичковъ... Ну, да эти ласки—ласки «корѣе от-
ца... Хотя въ началѣ... но это продолжалось не
долго. А теперь: пріѣдетъ усталый, сердитый съ
фабрики или съ биржи, отдохнетъ, велитъ подать
чаю, а ея уложитъ напротивъ, на диванѣ... въ костюмѣ
Нана... и любитъ: говорить, что похожа Смішной...
Такъ позировать, право, не трудно, когда за это дарятъ
и дома, и рысаковъ, и исполняютъ всѣ прихоти!...

А вотъ, лихо набекрѣвивъ щегольской цилиндръ,
съ тросточкой въ рукѣ, затянутый въ свѣтлую
лайковую перчатку, на эгоисткѣ ѣдетъ модный ад-
вокатъ. Онъ давно ужъ собирался захватить къ
Avanzo, спросить, нѣтъ-ли чего новенькаго изъ
Парижа по части «парнографическаго» художества?

Какое довольное, счастливое лицо у этого лов-
каго адвоката, какой ясный взглядъ!

Ему только что заплестили за удачную афферу,
такъ, за маленькое посредничество и блестящую
идею; и никакой отвѣтственности, если бы въ слу-
чай чего...

Отправился на его глазахъ, совершенно нежи-
данно, къ праотцамъ богатый купецъ, оставивъ
послѣ себя большой каменный домъ, большую дуру-
жену и несовършеннолѣтняго сына-кутилу. Вотъ
колода картъ, изъ которой—кто не глупъ—могъ
выбрать себѣ козари... Модный адвокатъ не глупъ.
Скоро нашелся благородный, но бѣдный, а потому и
сговорчивый, попечитель надъ купеческимъ сын-
комъ и... домъ заложенъ, за безцѣнокъ, кулаку и
проданъ ему же, съ аукціона. Эту игривую вещи-
цу въ 3-хъ актахъ написалъ адвокатъ въ одинъ
присѣсть, какъ какой-нибудь Сарду или Дюма.
Руконюсканія толпы и пачка крупныя ассигнаціи,
преподнесенныхъ кулакомъ, награждаютъ автора;
онъ торжествуетъ и ѣдетъ на Кузнецкій мостъ...
развлечься и поискать новыхъ сюжетовъ для сво-
ихъ комедій.

Къ входу въ Александровскій пассажъ подъѣз-
жаетъ подержанная извожичья карета; расторопный
нвейцаръ отворяетъ дверцы и высаживаетъ пожи-
лую, полную даму, одѣтую въ черное; за нею
слѣдомъ быстро выходитъ изъ кареты и останавли-
вается на подъѣздѣ молодая дѣвушка въ скромномъ,
но чрезвычайно изящномъ туалетѣ.

— Матап, охота намъ идти въ такую толкотню,
смотрите какая пыль.

— Marie, ты-же знаешь, что тебѣ нужно кое-
что купить для твоего весенняго туалета, и я от-
ложила эти покупки до дешовки.

— Все равно: дешево не купите, или дрянь ка-
куюнибудь вамъ подсунутъ?

— Ахъ, что ты?! Да потомъ нужно кое-кого пригласить
на нашъ четвергъ,—тутъ вѣроятно князь В.;
еще, можетъ, ктонибудь...

И матап съ m-lle Marie идутъ, не торопясь, по
пассажу, останавливаясь то тутъ, то тамъ передъ
окнами магазиновъ. Mlle Marie разбѣжно смотритъ
и на неструю толпу, волнующуюся передъ ея
глазами, и на груды дешовыхъ товаровъ, разставлен-
ныхъ въ витринахъ. На ея милостивомъ, осмыслен-
номъ личикѣ лежитъ печать ангажи и кокого-то нѣ-
мага протеста противъ всей этой суеты. Она ску-
чаетъ, ей все надоѣло. Уже третій годъ ея ма-
тапъ безуспѣшно хлопочетъ выдать ее замужъ.
Но съ такимъ приданымъ, какъ у нея,—большая

рѣдкость составить себѣ хорошую партію. Что у нея
есть? Кромѣ хорошей дворянской фамиліи, салоннаго
образованія и нѣсколькихъ тысячъ въ банкѣ,
которыя тактъ съ поразительной быстротой и скоро-
шчезнуть совсѣмъ,—ничего! Нужны же приемы и
выѣзды; какъ ни скромно все, а чего нибудь да сто-
ить. Ряжское имѣніе продано съ молотка и еще,
говорятъ, есть какіе-то долги. Ее, эту шевѣсту, на
московской биржѣ не котировать; она чувствуетъ
это и хандритъ. Хотя бы какой нибудь Синебрюховъ
да посватался, думаетъ Marie. Нѣтъ,—Синебрюхо-
вы ищутъ состоянія, капиталовъ для расширенія
торговли. Если такъ, хоть съ кѣмъ нибудь изъ менѣе
крупныхъ? И то нельзя: noblesse oblige, да и не
возьмутъ: съ лица не вышла. А эти всѣ,—«наши»,
последніе мозжечке разорившихся родовъ? На нихъ
надежда плоха: тоже, вѣдь, Митродоръ да Аифисъ
полногрудыхъ за Москвой-рѣчкой ищутъ. Да и Богъ
съ ними, съ эгими «нашими»! Господи, какая тоска!

— M-lle J'ai l'honneur...скороговоркой привѣт-
ствуетъ Marie, пристукивая шпорами, гусаръ.

— А, здравствуйте, князь. Что это васъ нигдѣ
не видно? Расскажите, что новенькаго?

— Я былъ боленъ, никуда не выѣзжалъ, все
это время, и никого не видалъ.

— Не забудьте навѣстить насъ въ четвергъ, по-
жалуйста, просить на ходу матап. Толпа отгѣ-
сняетъ гусара отъ его дамъ; онѣ уходятъ, любезно
кивнувъ головой на прощанье.

Съ гусаромъ встрѣчается какой-то штатскій въ
шинелѣ съ бровнымъ воротникомъ...

— Князь, куда скачишь?

— Обѣдать иду.

— Въ Славянскій, Эрмитажъ? Я тамъ буду.

— Нѣтъ, тутъ по близости, къ Вельде.

— Зачѣмъ Вельде? Опять деньги нѣтъ?

Гусаръ безнадежно махнулъ рукой.

— Ходы со мной, душа моя, сытъ будешь...

Двигаясь взадъ и впередъ по пассажу, кишитъ
праздная толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пе-
редъ раскрытыми дверями модныхъ магазиновъ.
Измученные, блѣдные отъ усталости и бѣготни при-
кащики выбрасываютъ цѣлыя груды товаровъ на
прилавки, передъ которыми съ шумомъ, смѣхомъ
и крикомъ толнятся торгующіяся дамы. Однѣ от-
ходятъ, перерывши руками все, что выставлено
для продажи, спорятъ, настаивая на предположен-
ной цѣнѣ, другіе подходятъ и роются. Безконеч-
ной вереницей мелькаютъ лица, шляпки, поднятыя
къверху съ свертками покупокъ руки, картонки,
саквояжи, ридикюли, несессеры. Рябитъ въ глазахъ,
слухъ отказывается воспринимать цѣлыя залпы
звуконъ крикливыхъ женскихъ голосовъ. Порою
растерявшійся прикащикъ вдругъ безнадежно опу-
ститъ руки, прислонится спиной къ шкафамъ и
устремитъ неподвижный, окаменѣвшій взоръ на од-
ну точку. Ошалѣетъ и стоитъ, какъ статуя, пока
какая нибудь изъ бойкихъ дамъ, перегнувшись че-
резъ прилавокъ, не толкнетъ бѣднягу зонтикомъ,
чтобы вывести его изъ этого страннаго и нежи-
даннаго забытья.

На немногихъ разставленныхъ скамейкахъ усѣ-
лись, оставши отъ долгой бѣготни, покупщицы-
дамы и фланеры-мушоны. Однѣ ждутъ своихъ
знакомыхъ, другіе просто зѣваютъ по сторо-
намъ и съ вождѣніемъ, вопросительно посяма-
риваютъ на проходящихъ хорошенькихъ женщинъ.

На одной изъ скамеечекъ, въ сторонѣ, присѣвъ
въ моллоротъ, красивый брюнетъ, съ пенсне на
посу, искушаетъ блондинку. Онъ, по манеру судя—
тятинькинъ сынъ; она, по козловымъ ботинкамъ
и неуклюжимъ перчаткамъ, бѣлошвейка, или уче-
ница-модистка. Молодая дѣвушка вся подъ впечат-
лѣніемъ праздничной суеты; прищуренныя глазки
бойко перебѣгаютъ съ предмета на предметъ, щопи
горятъ яркимъ румянцемъ непочатой молодости,
ножка нетерпѣливо постукиваетъ каблукомъ объ
асфальтъ,—ей не сидится на мѣстѣ. А кавалеръ съ
разстаповкой, не сѣвши, шепчетъ ей соблазнительныя
рѣчи:

— Катерина Петровна,—неужели вы не чув-
ствуете, какъ я страдаю? Вы камень, а не дѣвушка.

— Чего-же ради вы страдаете-то?

— А отъ любви къ вамъ и отъ вашей холод-
ности. Единственно отъ этого.

— Ахъ, оставьте, какія глупости. Всегда у васъ
разговоръ объ одномъ предметѣ.

510540

Специальной А.И. мн. инст.
водноф. кн. инст. редт.

— Потому— чувствую, оттого и говорю; вѣдь я для васъ, какъ и все, что только котѣли, дѣлалъ. Каждую субботу ждалъ, жѣрзъ на морозѣ зимой, на дождю мокъ, провожалъ васъ, слѣдомъ бѣгалъ; когда же конецъ? Смѣхъ моихъ больше нѣтъ...

— Много, такъ-то, около меня ваиего брата топчется! нараспѣвъ отвѣтила дѣвушка и вдругъ задумалась: ей глазки перестали бѣгать, она серьезно, мелко въглянула на своего кавалера и низко, низко опустила голову.— Вотъ вы бы сначала, продолжала она, обезпечили: хоть тысячу рублей въ банкъ, что-ли, положили, какъ это тамъ... Тогда бы и конецъ вашимъ страданіямъ положить можно... Дѣвушка быстро поднялась со скамейки и, кивнувъ головой, мелкими шагами, побѣжала къ выходу, оставивъ своего кавалера съ разинутымъ ртомъ.

Грустно переступая ногами и покачиваясь, идетъ именитый коммерсантъ съ женой, дебѣлой, краснощочкой красавицей; сзади—посылный, согнувшійся подъ тяжестью картонокъ, узелковъ и свертковъ. Лоснятся отъ жира отвислыя щеки коммерсанта и широко раскрытые глаза самодовольно сияютъ. На встрѣчу другой.

— Ба! Степанъ Степановичъ! Христосъ воскресъ! — Христосуются, по обычаю. Жена, поклонившись Степану Степановичу, ныряетъ въ магазинъ и оставляетъ мужа одного.

— Ты чего сюда?

— Да вотъ бабу побаловать захотѣлъ. Пусть дешовкой паразвлется. А ты тоже—съ женой?

— Нѣтъ. Вчера ее одну сюда пускалъ. А сегодня французинка тутъ обѣщалась пріѣхать, чтобы булавки ей купить.

— Грѣховодникъ ты, старый шутъ!

— А ты, святой человѣкъ?!

Оба расхохотались и разошлись по сторонамъ.
Кодръ.

„БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ“!

— Билеты проданы! — Какъ жаль, что не успѣлъ Я въ кассу во-время явиться!

А шель издадека и очень-бы хотѣлъ Писсой новой насладиться. Я слышалъ—написалъ ее одинъ поэтъ И въ ней талантъ свой, очевидно, Раскрытъ сдумѣлъ вполнѣ... и вдругъ: билетовъ нѣтъ!

Вернись домой ни съ чѣмъ!.. Обидно, Досадно. Я хотѣлъ обычный день труда Закончить вечеромъ приятнымъ,— Отправился въ театръ и вотъ... стряслась бѣда: Ступай опять путемъ обратнымъ!..

Какъ вдругъ изъ подъ воротъ какой-то господинъ

Мнѣ улыбается, на право Кивая головой, бородки рыжей клинъ Рукой разгладивши лукаво.

— На нынѣшній спектакль вамъ надобенъ билетъ?.

Мы продадимъ... Вы гдѣ желали?..

— Позвольте, какъ-же такъ? „Совсѣмъ билетовъ нѣтъ“—

Мнѣ въ кассѣ только что сказали...

— Да, въ кассѣ... это такъ, всѣ проданы, сполна,

У насъ-же дѣло, вѣдь, иное; Извольте получить!..

— Merci, а какъ цѣна?

— Цѣна-съ, по положенью: вдвое.

Нико-Ники.

ПАРИЖСКІЯ БЫЛИ.

II.

Слѣпой нищій.

Разъ одинъ изъ моихъ пріятелей журналистовъ, проходя черезъ Pont des Arts, бросилъ монетку въ чашку собачонки, сидѣвшей передъ слѣпымъ нищимъ. Вернувшись домой, онъ замѣтилъ, что вмѣсто пяти сантимовъ далъ полуимперьяль. На слѣдующій день онъ сказалъ о своей ошибкѣ слѣпцу:

— Вчера вамъ должна была попасться 20-франковая монета.

— Очень можетъ быть,—отвѣтилъ нищій. — Я вышелъ изъ дома, не провѣривъ кассы... Во всякомъ случаѣ, если вы ошиблись, то я готовъ возвратить вамъ деньги. Благovolите зайти ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Моему пріятелю любопытно было посмотреть домашнюю обстановку слѣпаго нищаго.

— Я воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ, — сказалъ онъ.—Гдѣ вы живете?

— Со мною нѣтъ карточка,—отвѣтилъ нищій.— Подружитесь записать мой адресъ: г-нъ Дюбинье, № 7, улица Генаго.

Въ тотъ же вечеръ журналистъ отправился по указанному адресу.

— Г-нъ Дюбинье въ первомъ этажѣ,—объяснилъ портъе.

На звонокъ посѣтителя ливрейный лакей отворилъ дверь и провелъ удивленнаго литератора въ роскошный салонъ, отдѣланный во вкусѣ Людовика XVI.

— Баринъ сейчасъ выйдетъ,—сказалъ лакей, удаляясь.

Черезъ минуту вышелъ слѣпой, въ дорогомъ халатѣ съ золотыми кистями: за нимъ бѣжала его собачонка, вымытая, вычесанная, въ дорогомъ ошейникѣ.

— Вы говорили, что ошиблись монетою? спросилъ Дюбинье.

— Да.

— Это совершенно вѣрно. Мой кассиръ нашелъ золотую монету... вотъ она, получите.

— Благодарю васъ, г-нъ Дюбинье. До свиданья.

— Позвольте,—остановилъ его слѣпой. — Вы все таки должны мнѣ 5 сантимовъ?

— Это правильно,—сказалъ мой пріятель и положилъ мѣдную монетку въ руку хозяина.

Тотъ поклонился и крикнулъ:—Благодарю, проводите господина.

В. З. М.

Нашъ вѣкъ.

Пѣсни и романсы.

Окончаніе,—см. № 5.

Журналистъ.

Я того рассказать, что на сердце таю, Никому, никому не желаю,— Почему ежедневно газету свою Изъ обрѣзковъ чужихъ составляю.

По дорогѣ чужой выступать мнѣ смѣлѣй: Кто что бьетъ,—я туда же, бичуя...

Я въ сотрудники взялъ перо, ножницы, клей,— Гонорара, вѣдь, имъ не плачу я...

Пусть бранить всѣ меня, — что за дѣло до нихъ,—

Не боюсь я укоровъ и иска: Мнѣ добиться бы лишь результатовъ благихъ,

Лишь была бъ на газету подписка!

Кулакъ-мироѣдъ.

Растворите амбаръ,
Принимайте товаръ,—
Я надъ нивой хога не потѣю,
Мнѣ послала судьба оборотливость въ даръ,—
Съ нею каждый я часъ богатю.

И везуть, и несутъ,
И въ амбары кладутъ,—
Преодо мною ломаютъ всѣ шапку:
Я цѣнить не привыкъ мужика тяжкій трудъ,
Я цѣню только... денегъ охабку.

Спиритъ.

Шопотъ, робкое дыханье,
Изумленный взоръ,
Шлейфовъ тихое шуршанье,
Тихій разговоръ.

Зло на медленность сеанса,
Передъ духомъ страхъ,
Мысль о вихрѣ контраданса,
Дума о чинахъ.

Неудача вызыванья,
Рѣчи свысока,
Плохо скрытое званье
И—тоска, тоска...

Концессонеръ.

Я помню чудное мгновенье,
Какъ клалъ концессию въ карманъ:
Шло на пути столпотворенье
И объялъ публику туманъ...

Умъ жаждалъ дѣла, изошрялся,
Задача дѣлалась легка,
И очень быстро превращался
Я въ богача изъ бѣдняка.

Теперь въ карманахъ миллионы,
Мнѣ всюду ласка и почотъ,
А что трещать подчасъ вагоны.—
Такъ это нужно ль ставить въ счетъ?

Кассиръ.

Выхожу одинъ я въ банка зало,—
Преодо мной паркетный полъ блеститъ;
Члены спятъ, за мной надзора мало,
Совѣсть думъ кассира не смутитъ.
Въ сундукъ торжественно и чудно
Депозитки грудю лежатъ,—
Что-же, мнѣ украсть, вѣдь, ихъ не трудно,—
Жду ли я, что руки задрожать?
Ужъ не жду отъ службы ничего я
И не жаль карьеры мнѣ ничуть:
Кушъ стянувъ, достигну я покоя,
Съ нимъ открытъ мнѣ для успѣха путь!

Подрядчикъ.

Будь со мною какъ прежде, бывало,
Членъ управы, и ласковъ и милъ;
Дѣла сдѣлали мы вѣдь не мало,—
Или это ужъ ты позабылъ?
Иль бывое умчалось въ туманъ?
Нѣтъ, мнѣ дружба твоя дорога,—
Приготовленъ обѣдъ въ ресторанъ
И ужъ ждетъ приказаній слуга.
Не могу я повѣрить, управецъ,
Чтобы могъ ты меня разлюбить,—
Выпьемъ мы съ тобой рядъ братскихъ здравницъ,
И рѣшимъ, какъ намъ пользу добыть...

И. В.

- СЛЫШИТЕ?
 - СЛЫШУ... КАКЪ ВЫ
 ТОЛКАЕТЕ МОЮ НОГУ....

- Неправдали - слышно отлично?
 - Да, только жаль, что ничего не видно....

То и сѣ.

Прѣзжій (номерному).—Ко мнѣ должны прійти двое господь. Перваго проведите ко мнѣ въ комнату, а втораго попросите обождать въ общей залѣ.

Иномерной.—А если второй-то придетъ раньше перваго?

Неутѣшная вдова заболѣла.

— Слыва Богу! воскликнула она. Чѣмъ скорѣй я свижусь съ моимъ ненагляднымъ мужемъ, тѣмъ лучше! Чувствую, что конецъ мой приходитъ! Пора, пора!

Является докторъ. Вдова повторяетъ свои восклицанія, но, видя, что докторъ не противорѣчитъ, наконецъ рѣшается съ безпокойствомъ спросить:

— Скажите, докторъ, вѣдь серьезнаго ничего нѣтъ, не правли-ли?

Замѣчательный фактъ подмѣтилъ одинъ докторъ. У нѣсколькихъ вдуновъ, отъ привычки становиться на голову, стали появляться мозоли на лбу, а въ ногахъ замѣчалось головокруженіе...

Вывѣска одного доктора:

„Врачъ неизлѣчимыхъ болѣзней“...

Громадная извѣстность, которую генераль Скобелевъ приобрѣлъ среди нѣмецкаго общества, сдѣлалась уже предметомъ ловкой аферы. Въ настоящее время весь Берлинъ обжигаетъ смотрѣть на восковую фигуру генерала, выставленную въ частномъ музеѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Castans Raporticum. Фигура сдѣлана во весь ростъ и отличается большимъ сходствомъ съ оригиналомъ. Прекрасная половина глазбующей публики единогласно приходитъ къ заключенію, что генераль—очень красивый мужчина.

Между прочимъ, привычка нѣмцевъ награждать нѣмецкимъ происхожденіемъ каждую личность, чѣмъ-либо приобрѣтшую себѣ извѣстность, сказала и въ отношеніи генерала Скобелева. Многія германскія газеты открыли, что генераль несомнѣнно тевтонскаго происхожденія, такъ какъ дѣдъ его хотя и не имѣлъ права называться добрымъ нѣмцемъ, но все таки былъ родомъ изъ германскаго „Faterland“а, гдѣ и носилъ неособенно звучную фамилію „Кобеле“...

Практика петербургскаго судебнаго мирового института обогатилась новымъ курьезомъ, сущность котораго состоитъ въ волшебномъ превращеніи половъ подъ вліяніемъ чаръ мирового судьи.

У этого судьи разобралось уголовное дѣло по обвиненію мужчины Смирнова, въ оскорбленіи женщины Федоровой. Фактъ оскорбленія на судѣ подтвердился и судья записалъ въ протоколъ: „Федоровъ (замѣтьте волшебное превращеніе женщины въ мужчину) объяснилъ, что обругалъ Смирнову (мужчина сдѣлался женщиной) и просилъ прощенія. Смирнова не простила, маромъ не окончено. Имѣя въ виду, что обвиняемый Смирновъ (мужчина, побывъ нѣкоторое время женщиной, опять превращается въ первоначальное состояніе мужчины) собственнымъ сознаниемъ на судѣ уличается въ оскорбленіи Федоровой (съ этой происходитъ таже метаморфоза), я... приговорилъ: Федорова (женщина, бывшая временно мужчиной, обращенная потомъ въ женщину, вновь превращается въ мужчину!!!...) оштрафовать“ и т. д.

Представьте-же себѣ положеніе Федоровой: изъ обвинительницы она превратилась въ обвиненнаго и изъ женщины въ мужчину; бѣдной женщинѣ приходится теперь платить штрафъ и—что еще хуже—отстаивать свой полъ. Это неожиданное превращеніе до того повліяло на Федорову, что она серьезно начала сомнѣваться въ дѣйствительности своего пола и ея знакомымъ стоило большаго труда убѣдить ее—подать, для разъясненія недоразумѣнія, кассационный отзывъ.

Казневъ нашелъ многихъ подражателей; очевидно, и г. мировой судья, во время разбирательства дѣла Смирнова и Федоровой, находился подъ впечатлѣніемъ метаморфозъ, совершаемыхъ Казневомъ.

Праздничные подарки и визиты.

Три московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ—слѣдствіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ по конкурсному дѣлу.

Московскія самы—гнилые дешовые товары. Старшины артистическаго кружка—исполнительный листъ на очищеніе помѣщенія.

Г. Корсовъ—сочувствіе вѣхъ истинныхъ любителей русской музыки.

У московскихъ фразтовъ, въ первый день праздниковъ, были съ визитами: прачки, портные, сапожники и парикмахеры, всѣ—со счетами вмѣсто краснаго яйца.

У вновь испеченнаго мирового судьи А.—докторъ-психіатръ.

У молоденькихъ дамъ—друзья дома.

У друзей дома—рогоносцы-мужья, по порученію молоденькихъ дамъ.

У издательницы „Будильника“, за полученіемъ гонорара,—я, вашъ покорнѣйшій слуга. Бова.

Провинція, обучающаяся мореходству.—Таганрогскіе утопленники.—Что такое „бахилды“?—Необычайное рожденіе котятъ въ Самарской губерніи и лягушекъ—въ губерніи Херсонской.—О томъ, какъ адвокатъ искушалъ жидовъ.—„Домашній вечеръ“ въ Кременчугѣ.

Вся матушка-Россія, цѣлую нынѣшнюю зиму, не переставала вопить о томъ, что снѣгу мало, а пришла весна—и оказалось, что снѣгу было болѣе, чѣмъ за глаза: началъ онъ таять и провинціалъ убѣдился въ этой истинѣ, ибо вся провинція затопилась такой массой воды и грязи, что остались видны одни лишь верхушки колоколенъ... Удивленный туристъ, проѣзжая по желѣзной дорогѣ, видитъ вокругъ себя одно безбрежное море, да обывателей, занимающихся навигаціей и другими морскими науками...

Ей-Богу, это такъ. Нужно видѣть, дѣйствительно, положеніе милаго провинціала: оно поразительно! Въ Таганрогѣ, напр., какъ свидѣтельствоуетъ весьма солидная газета „Южный Край“, люди неопытные въ мореплаваніи, въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова, тонуть въ грязи. Тамъ, на главной улицѣ, какой-то мальчикъ, а затѣмъ дѣвушка—едва спаслись при помощи, сбѣжавшейся на ихъ крики, публики. Глубина грязи достигаетъ до 1½ аршина. Въ мѣстахъ особенно опасныхъ стоятъ вѣха и баканы, поставленные чуть-ли не городской управой, какъ почотной попечительницей обывателя. Въ одномъ пунктѣ возвышается шесть съ флагомъ, съ мертвой головой на немъ и съ слѣдующей надписью: „Здѣсь погибаютъ! Осторожнѣ!“... Тамъ и сямъ лавируютъ кораблики, снаряженные туземцами. За переѣздъ черезъ улицы извозчики, на особо приспособленныхъ экипажахъ, берутъ по 5 коп. съ персоны...

Вотъ вамъ!

А въ Саратовѣ еще и „почище“ будетъ. Въ этой „столицѣ Поволжья“ есть улицы, въ которыя вы извозчика не наймете ни за какія тысячи:

— Что мнѣ животину-то топить! возражаетъ онъ вамъ на всѣ посулы полтинничковъ и рублей.

Чтобы какъ нибудь, все таки, поддерживать сообщеніе, саратовскій обыватель изобрѣлъ специальную обувь. Это нѣчто среднее между сапогами-скороходами и шкуной небольшихъ размѣровъ. Называется — „бахилды“. Но—увы!—часто даже и „бахилды“ не помогаютъ, и саратовецъ гибнетъ жалкою смертію...

Бѣжимъ—о, читатель!—отъ этихъ страшныхъ картинъ, вдохновляться которыми все-го лучше сотрудникамъ „Морскаго Сборника“ и „Вѣстника общества спасанія при кораблекрушеніяхъ“!...

Чего-же удивляться тутъ, если, въ этакой удивительной обстановкѣ житія-бытія, совершаются и чудеса удивительныя? Чего недѣлчиво качать головою, слыша, примѣрно сказать, о котяткахъ, рожденныхъ дѣвочкой въ одной изъ деревень Самарской губерніи?

Удивляться тутъ нѣтъ резона, ибо, въ первыхъ, давно извѣстно, что „курочка бычка родила“, а во вторыхъ... вы знаете, что „есть многое на свѣтѣ, другъ Горацио, что и не снилось нашимъ мудрецамъ“!... Не снились и котятка, не снились и лягушки... высказавшія изъ крестьянки Херсонской губерніи, Маріи Бажора...

Дѣло было такъ, по словамъ „Одесскаго Вѣстника“. Какъ дознано, Марія долго болѣла, потомъ „стала ощущать въ себѣ присутствіе живыхъ существъ и даже слышала кваканье“. Наконецъ, въ теченіи двухъ дней, изъ нея вышло (заднимъ ходомъ) восемь лягушекъ, изъ которыхъ одна была большая, а остальные маленькія. Первая произвела этихъ послѣднихъ. Сама Марія Бажора утверждаетъ фактъ появленія лягушекъ, въ чемъ, однако, усомнился мѣстный фельдшеръ. Составили протоколъ, фельдшеръ подалъ „особое мнѣніе“ и т. д., однимъ словомъ—„пошла писать губернія“. Въ концѣ концовъ, всю переписку передали на заключеніе земскаго врача...

Въ городѣ Хмѣльникѣ (Подольской губерніи) прошумѣли не лягушки, а... мѣстный адвокатъ.

Тамошняя „интеллигенція“—наблюдайте!—собралась къ этому адвокату „на вечеръ“. Вышивали, закусывали, „винтили“ и слушали оркестръ музыкантовъ-евреевъ. Все обстояло вполне благополучно. Но вотъ, подъ конецъ вечера, сталъ хозяинъ расплачиваться съ оркестромъ—и вышелъ криминаль! Музыканты требуютъ 4 рубля, — адвокатъ даетъ только 2. Происходитъ веселый споръ. Въ жару его, адвокатъ выхватываетъ изъ кармана револьверъ и прицѣливается въ капельмейстера... Конечно, общій ужасъ и смятеніе. Вьолончелистъ схватываетъ брехунца за руку и за револьверъ, оказавшійся незаряженнымъ. Адвокатъ пробуетъ освободить руку и не можетъ. Онъ начинаетъ кусать вьолончелиста — въ плечо, за руку и т. д. Первая скрипка бросается на выручку — и начинается общая и весьма свирѣпая свалка...

На другой день кусающійся адвокатъ уплатилъ оркестру всѣ протори и убытки, а потомъ нанялъ бабу Терентьевну, дабы она смыла съ пола кровяныя пятна и подмела оставленные бойцами клочья волосъ, полы сюртуковъ и лацканы визитокъ. Наступилъ миръ...

Но—помирился адвокатъ, а все-же опасно этого кровожаднаго челоука нанимать въ защитники: того и гляди, закуситъ кліентомъ, словно бутербродомъ!..

Какъ бы то ни было, а наблюдая хмѣльниковою баталію загорѣлись завистью и обыватели города Кременчуга.

Исторія произошла на одномъ изъ „домашнихъ вечеровъ“.

— Позвольте васъ просить на слѣдующій контрадансъ? обратился кавалеръ В. къ дѣвицѣ Н.

— Ахъ, нѣтъ, оставьте!..

— Почему-съ?

— Я... взорѣла.

— „Это болѣе, чѣмъ пошло!“ комментировалъ кавалеръ.

Дѣвица бросилась къ папашѣ, а папаша бросился на комментатора, закатилъ ему затрещину и...

Ну, конечно, произошло то, что въ провинціальныхъ палестинахъ носитъ названіе „клочки“, „дупки“ и „отминанія боковъ“...

На домашнемъ вечерѣ — по домашнему. Такъ и слѣдуетъ.

Ершъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ „Гражданина-Добряка“ пишетъ:

„Наконецъ-то я рехнулся! И не почти, и не на половину, а совсѣмъ“!..

Наконецъ-то хоть одинъ изъ сотрудниковъ кн. Мещерскаго сознался въ томъ, въ чемъ могли бы сознаться и прочіе члены редакціи „Гражданина“!

Позвольте вамъ, напр., представить „Гражданина“, исправляющаго у кн. Мещерскаго должность юмориста. Вотъ его юморъ.

„Когда женщину зовутъ рѣкой? — Говоря Е,— Дена“...

„Какія русскія бабы бываютъ подъ тропиками и когда? — У-лианн“.

„Когда вино бываетъ женскаго рода? — Когда въ немъ вина“! (??)

„Верхъ незнанія географіи думать, что если есть Не-Аполь, то есть и Аполь“. (??)

„Какой вѣтеръ умный? — Самъ-умъ“.

„Какой шумъ зовутъ выходящимъ изъ вулкана? — Газъ — Этны“ (??).

„Какая пустыня сладкая? — Сахара“.

„Какой французскій романъ написанъ на женщинѣ? — На-бабъ“ (!).

„Какой самый пахучій городъ? — Потъ-съ дамъ“...

Конечно, достаточно этихъ благоуханныхъ цвѣтовъ «юмора», чтобъ убѣдиться въ жалкомъ состояніи здоровья «Гражданина».

* *

„Голосъ“ уличилъ „Моск. Вѣдомости“ въ незнаніи латинскаго языка. Оказывается, что г. Катковъ не зналъ, или забылъ, основныя правила любезной ему латинской грамматики!.. Ай, срамъ какой!

* *

Баталіинская „Минута“ усердно отличается по части философіи. Вотъ примѣръ философіи газеты (?):

„Поставьте Христофора на сквозномъ вѣтрѣ, заставьте его простудиться и умереть: вы откладываете на неопредѣленное время открытіе Америки.“

„Въ началѣ компаніи 1814 года, заставьте Наполеона выпить стаканъ воды со льдомъ: кто знаетъ — не вступилъ-ли бы на престолъ король римскій“?..

* *

Корреспондента „Моск. Вѣдомостей“ бьютъ за-границей...

— Конечно въ Польшѣ? восклицаетъ испуганный читатель... Интрига, нѣтъ сомнѣнія!

Успокойтесь, читатель, интриги въ данномъ случаѣ не имѣется! Корреспондентъ „Моск. Вѣдомостей“ похвалъ провѣтриться въ Европу и попалъ въ римскій карнавалъ.

Вотъ этого-то труженика, согласно обычаю, и поколотили въ Римѣ мучными шариками, да такъ поколотили, что въ каждой корреспонденціи бѣднякъ жалуется читателямъ: „залпъ попалъ мнѣ прямо въ лице и, могу васъ увѣрить, что это было довольно больно“... „Бьютъ меня по лицу и увѣряю васъ, что это пре-болжно“... и такъ далѣе, въ томъ же родѣ.

* *

...„Многимъ памятенъ вечера, на которыхъ происходилъ живой обмѣнъ мыслей и увѣжденій, въ изящныхъ предѣлахъ благоволенности и взаимнаго снисхожденія“...

— Изъ какого это журнала тридцатыхъ годовъ? спросите вы.

Это изъ „Моск. Вѣдомостей“ 1882 года.

* *

Обмолвки двухъ московскихъ газетъ.

1) „Присяжные признали его виновнымъ, но заслуживающимъ уваженія“...

Неужели — „уваженія“?

2) „Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, въ одинъ и тотъ же день, директоръ Всеволодской слушалъ молодыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ“...

Неужели „въ одинъ и тотъ же день“?

* *

Одинъ читатель просить насъ помѣстить слѣдующій „курьозъ“ одной газеты:

„Тифлисъ.—Найдена на берегу Мадатовскаго острова бочка, наполненная частями тѣла, изрубленнаго неизвѣстною рукою околочнаго надзирателя X участка“.

* *

Изъ почтоваго ящика „Невы“.

Г. Струико. Все присланное очень хорошо и могло бы идти въ печать, но, къ сожалѣнію, мы завалены произведениями этого рода и положительнo не можемъ принимать новыхъ рукописей.

Каково это? Въ портфелѣ „Невы“ такъ много „очень хорошаго“, что и печатать некогда!

* *

Художественные восторги рецензента „Спб. Вѣдомостей“ передъ картиною фруктовъ. Онъ восклицаетъ:

„Спѣлая, огромнаго объема груша, положенная на столъ осторожною рукою, на которой, благодаря необыкновенной сочности, все-таки остались ямочки отъ прикосновенія пальцевъ, до того сочна, соблазнительна и такъ натурально передана, что можетъ смѣло конкурировать съ луною г. Куинджи и съ любою зорькою г. Клевера. Не менѣе соблазнительны пахучая дыня съ персиками, смотря на которые (извините, читатель) просто слюнки текутъ“.

Пусть себѣ текутъ, это не бѣда. Вы лучше извинитесь за свое сравненіе луны и зорьки съ грушей!

* *

„Одесскій Листокъ“, рассказывая, какъ одеситы везли на себѣ карету одной пѣвицы, восклицаетъ:

„Нѣтъ и въ Одессѣ есть люди съ эстетической искрой“...

Если и не „съ искрой“, то, во всякомъ развѣ, съ вьючными наклонностями!

Новый Диогенъ.

СЦЕНА И КУЛИСЫ.

Вчерашняя картинка.

Сцена Большаго театра. Является городской:

— Предоставилъ! говорилъ онъ, обращаясь къ г. Барцалу (шла „Аида“).

— Кого предоставилъ?

— Тальянцевъ.

— Какихъ?

Оказывается: три „сюжета“ изъ труппы Сальвини „заблудились“ по дорогѣ со станціи Николаевской дороги въ театръ и были „представлены“ съ полиціей.

* *

Всѣ эти дни москвичи находились подъ обаяніемъ чаръ „профессора“ Германа Во истину — чудотворецъ! Репортеръ одной газеты, сообщаетъ, напр., что въ Индіи Германъ легко повторялъ всѣ „чудеса“, которые дѣлаютъ индійскіе маги, за что индійцы и вознамѣрились было убить его, но кинжалъ сломался о его грудь, къ великому ужасу убійцы, принявшаго его за божество; въ Петербургѣ, обѣдая у австрійскаго посланника и узнавъ, что у хозяйки дома пропало кольцо, онъ нашель его въ яйцѣ, очутившемся внутри жаренаго фазана; въ послѣднее пребываніе въ Петербургѣ, завтракая у Дюссо съ представителями печати, онъ заставлялъ пропадать блюда и замѣнялъ бокалы съ шампанскимъ — сапогами. Недавно въ Брюсселѣ, идя со знакомыми по улицѣ, онъ былъ атакованъ бѣднякомъ, пресившимъ у него на хлѣбъ. „Какъ тебѣ не стыдно просить милостыни, когда у тебя карманы полны денегъ“, сказалъ ему строго Германъ. Бѣднякъ съ божбой началъ выворачивать карманы, но каково же было его удивленіе, когда изъ нихъ посыпалась цѣлая вуча мелкой монеты? Въ Константинополѣ онъ, плывя по Босфору съ великимъ вѣзиремъ, выбросилъ въ море его драгоценныя часы, которые нашлись затѣмъ въ только-что пойманной рыбѣ, причѣмъ часы были сухи и не останавливались. Султанъ Абдуль-Азисъ заплатилъ ему за этотъ фокусъ 25 тысячъ франковъ. Еще курьознѣе фактъ, сообщаемый про него итальянскими газетами. Въ 1879 году, г. Германъ въ Венеціи, во время гулянья на площади св. Марка, былъ обвиненъ однимъ аристократомъ въ покражѣ часовъ и, вслѣдствіе этого, арестованъ и препровожденъ въ полицію. Послѣ обыска, при которомъ ни чего не было найдено, Германъ настоятельно требовалъ, чтобъ осмотрѣли и арестовавшаго его жандарма. Часы съ цѣпочкой были найдены въ сапогѣ блюстителя порядка...

Въ Москвѣ, Германъ пользовался несомнѣннымъ успѣхомъ: что ни сеансъ, то полная зала.

* *

Послѣ долгихъ разговоровъ,
Шума, гама, болтовни,
Разъясненій, вздоровъ, споровъ,
Затруденій, хлопотни,
Сплетень, счотовъ и расчотовъ,—
Началъ дѣйствовать Фетодовъ....

Открылись спектакли новой пьесой г. Штеллера „Супруги Оленины“. Содержаніе довольно избитое. Безразвѣстный кутила мужъ и честная жена, въ концѣ концовъ увлекающаяся молодымъ учителемъ необходимая борьба, а затѣмъ свизъ, оканчивающаяся разрывомъ сердца, при неожиданномъ

возвращени прокутившагося супруга. Смотрится пьеса довольно легко, въ особенности при томъ прекрасномъ исполненіи, какое было въ театрѣ Федотова.

Присутствовали на капельмейстерскомъ дебютѣ г. Шуровскаго въ прощальномъ бенефисѣ г. Дмитріева. Не знаемъ ужь, кто тутъ виноватъ, но только „Демонъ“ начинаетъ идти все хуже да хуже. А жаль! Лучше „Демона“—то у насъ и не шло ничего! Въ спектаклей сорокъ опера выдержала... Да и любить ее — больше всякой другой: что ни спектакль, то полный сборъ. Значить, похлопотать стоило-бы!

Удивлялись г. Богатыреву на его дебютъ въ партіи Радамеса. Вотъ-то пѣвецъ! Даже блаженной памяти Никольскій—мастеръ передъ г. Богатыревымъ; даже Васильевъ 3-й передъ нимъ—артистъ! У тѣхъ хоть есть апломбъ пѣвчаго, знающаго, что пѣтъ—значить брать ноты; а у г. Богатырева и этого нѣтъ. Какой же онъ Радамесъ? Ужъ если теноръ съ положительнымъ голосомъ въ 3-емъ актѣ „Аиды“ *ничего* не можетъ сдѣлать, такъ какую же ему партію пѣтъ? А тутъ, послѣ 3-го акта, въ результатъ совсѣмъ слабо проведенной сцены съ Аидой—публика на половину аплодировала, на половину шикала.

Одно было хорошо. Радамесъ былъ оригинально загримированъ: лицо г. Богатырева было слегка загорѣвшее, а руки чуть не черныя, какъ у негра. Этакихъ двухвѣтныхъ полководцевъ въ Египтѣ пне бывало!

Дебютантъ-капельмейстеръ, г. Авранекъ, оказался недурнымъ. Г-жа Бонди—тоже: „ничего себѣ“ Аида; за то г. Буховицкій - Амонасро... совсѣмъ плоховать.

Въ среду, 14-го апрѣля, въ Маломъ театрѣ—дебютъ г-жи Волгиной („Каширская старина“). Артистка выступаетъ въ роли Марьицы, — роль, несомнѣнно удавшаяся ей на сценѣ Пушкинскаго (Петровскаго) театра; на этотъ разъ, ей—увы! аккомпанировать будетъ, въ роли Василья, г. Грубинъ...

О, Господи! Полтора несчастья!...

О Сальвини — до слѣдующаго раза. Пока скажемъ одно: это—артистъ, какого Москва еще и не видывала... Сравнивать его съ Росси было-бы, просто, грѣшно...

Никсъ и Никсъ.

ПОЧТА БУДИЛЬНИКА.

Не будутъ напечатаны: Три впечатлѣнія, Если-бы! и Анютини глаза — И. Р.; стихотворенія Д. Занавога; Гордое созданье — Як. не Ера; стихотворенія П. К.—на (В.-С.); Слобода Нуарна—Т.; мелочи Non ego; Осень, стих. И. М.; Гимназиада—М. М.; По поводу насущнаго вопроса—М.; На славѣ лѣса — А. Ж.; Маснарадъ, рассказъ Н.; стихотворенія Павлуши Риммонета; рассказъ безъ названія—А. И. С. Б. П.-З.; стихотворенія Ванья-Канна; Болѣзни. свойственныя русской прессѣ—Врача Микстурина; Передъ свиданіемъ, стих. М.; стихотворенія Метельякова; Музыкальный вечеръ—Его самого; стихотворенія и рассказы Ф. О.; стихотворенія и рассказы Ломова; Вотъ такъ отличился—Ивана-Болтовни; рисунки и стихотворенія Волынскаго; стихотворенія Зам...ова; экспромпты К. К. Гр.; Разсчетъ, стих. Ч.; Находка, рассказъ Х. Т...ова; Изъ столицы армянскаго царства—Зиби; Поэтъ и Муза—Ф. Ло; Нерѣшенный вопросъ—М. Л.; Пѣснь объ имени публичною и Сказка о стромѣ зайцѣ—Воскреснаго маляра; мелочи А. В.; Слухи („Говорять“) — К.; Письмо къ дядинкѣ—Янтарной кислоты; Изъ Царицына—Г.; Электрическая машина—С. П. В.; стихотворенія Д. Орлова; Дешовые товары — П. Г. Ну...ва; Благопріятелю ногу подставивъ. стих. С; Я снова твой образъ увидѣлъ, стих. Е. В.; Благополучіе — М.

Рекламы и объявленія „Будильника“.

ПОДПИСКА НА БУДИЛЬНИКЪ

на 1882 годъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на годъ: въ Москвѣ—7 р., съ дост. на домъ. 8р.
„ Петербургъ и провинціи. . . 9р.
на 6 мѣсяцевъ (съ 1 янв., 1 апрѣля, 1 іюля или 1 сент.): въ Москвѣ—4 р., съ дост. 4р. 50к.
въ Петербургъ и провинціи. . . 5р. —

На иныя сроки подписка не принимается.

ПРЕМИИ: 1) альбертовинія съ картины В. Е. Маковскаго—„Дѣловое утро“, 2) альбомъ изъ 12 большихъ рисунковъ К. Н. Чичагова—„Нашъ вѣкъ“ и 3) альманахъ „Будильника“ на 1882 годъ (очерки, рассказы, стихотворенія, рисунки и проч.) выдаются при самой подпискѣ.

Редакція въ Москвѣ: Леонтьевскій пер., д. Мичинера.

VERITABLE LIQUEUR BÉNÉDICTINE

НАСТОЯЩІЙ ЛИКЕРЪ БЕНЕДИКТИНЪ АББАТСТВА FÈSAMP ВО ФРАНЦІИ Превосходный, крѣпительный, помогающій къ пищеваренію и возбуждающій аппетитъ САМЫЙ ЛУЧШІЙ ИЗЪ ВСѢХЪ ЛИКЕРОВЪ

Всегда требовать квадратный ярлыкъ въ низу бутылки, съ подписью главнаго директора Настоящій ликеръ Бенедиктинъ (Benedictine) находится въ слѣдующихъ магазинахъ которыхъ письменно обязались не продавать никакихъ поддѣлокъ.

Въ Москвѣ у К. Денре, Бауеръ и К°, А. Арабажи и К°, Г. Лева, Карлъ Вильборнъ и А. В. Андреева,

Монogramмы и рисунки для печатанія на бѣлѣ и вышиванья, лаучковые штемпель, перовки, рѣзьба по металлу, скоростпечатаніе, прессы, мушкетеры, прессы для жѣлѣн бѣлѣ, и преса для печатанія на бумагѣ. Ж. ШАНСОНЪ, Москва, Петербургъ, Пасажъ, № 51.

ХРЪНОВЫЙ ІОДИСТЫЙ СИРОПЪ

SIROP DE RAIFORT IODÉ DE GRIMAULT & CIE

Цѣлительныя свойства рыбьяго жира зависятъ отъ іода, въ немъ заключающагося; но неудобство состоитъ въ томъ, что многие не могутъ перенести рыбьяго жира. Сиропъ же хрѣнновыи съ іодомъ этого неудобства не имѣетъ и замѣняетъ превосходнымъ образомъ рыбій жиръ. Жеруха, которая входитъ въ составъ его, заключаетъ іодъ въ натуральномъ видѣ который соединяетъ съ соками противо-цинготныхъ растений, какъ и ложечникъ вращебный.

Применяютъ его всѣ нарижскіе врачи при лимфатическихъ опухоляхъ, золотухѣ, скривленіи позвоночника, стенолабѣ, блѣднотѣ, влѣстн тѣла, опухольи железъ и ступнелъ на головѣ и лицѣ, очень часто появляющихся у дѣтей и извѣстныхъ подъ названіемъ золотухи. Неопытное — въ началѣ чахотки; возбуждаетъ аппетитъ, способствуетъ пищеваренію и превосходно дѣйствуетъ какъ и на взрослыхъ.

Депю въ складахъ аптекарскихъ товаровъ и главныхъ аптекахъ: Во избѣжаніе поддѣлокъ на каждой коробкѣ находится сверху того штемпель Французскаго Правительства.

ОТДѢЛЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРЫ ОБЪЯВЛЕНІЙ ДЛЯ ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ ВЪ МОСКВѢ.

Пріемъ объявленій для журнала

„БУДИЛЬНИКЪ“

производится въ Центральной конторѣ объявленій (Л. Метцль). Петровка. д. Солодовникова. При большихъ заказахъ—значительная уступка.

МУЖСКОЕ БЕЗСИЛІЕ,

вызванное именно потрясающими послѣдствіями тайныхъ грѣховъ юности и разврата, устранять вѣрно и надолго указываетъ единственная, распространенная во многихъ изданіяхъ, иллюстрированная книга:

«Самосохраненіе», Д-ра Ретау.

Русское изданіе — 1 рубль.
(Нѣмецкое изданіе — 2 рубля).

Тысячи людей нашли въ ней объясненіе своихъ болѣзней и восстановили свои мужественныя силы посредствомъ указаннаго въ книгѣ способа лѣченія. По полученіи франко 1 рубля, высылается франко книга въ конвертѣ магазиномъ изданій Братъевъ: Бирей, въ Лейпцигѣ.

Gebr. Bierey s Verlagsbuchhandl. in Leipzig.)

DIE „TILSITER ZEITUNG“
 erscheint wöchentlich sechsmal; jede Woche mit einem 8 Seiten umfassenden
 illustrierten Unterhaltungsblatt
 und einer landwirtschaftlichen Beilage untes dem Titel:
LANDWIRTSCHAFTLICHE MITTHEILUNGEN
 als Gratiszugalen.

Bestellungen nehmen alle Postanstalten zum Preise von 2 Rbl 50 kop. vierteljährlich an.
 Die „TILSITER ZEITUNG“ lässt sich die neuesten politischen Nachrichten, sowie den Cours der Königsberger Produktenbörse und den Berliner Rubel-Cours täglich telegraphiren, und enthält: Leitartikel, politische Uebersicht (Lage), neueste Nachrichten, Correspondenzen a aus dem Haupt- und Provinzialstädten, Mittheilungen aus der Criminalpraxis, Ernte- und Wasserstandsberichte, spannende Feuilletons und Romane, resp. Novellen, in fast täglichen Fortsetzungen, kleinere Mittheilungen für Haüs- und Werkstatt, Vermischtes und Vnregendes aller Art Briefkasten. Der lokale und provinzielle Theil ist durch Heranziehung neuer Correspondenten immer weiter ausgedehnt worden. Die illustrierte Gratis-Beilage wird wie bishen in weitester Bedeutung den Zwecken der Unterhaltung und Belehrung dienen und das Interessanteste aus Nah und Fern durch Bild und Wort veranschaulichen. Sie wird enthalten: Romane, Novellen, Erzählungen; naturwissenschaftliche Rilder und Skizzen; Lond-, See- und Volkslieder; Berichte über Entdeckungen und Erfindungen; Portraits berühmter Persönlichkeiten; Reisebeschreibungen; Jagd- und Reiseabenteuer; Humoristisches etc. in bunter Reihenfolge. Die Landwirtschaftlichen Mittheilungen umfassen das Gesamtgebiet der Landwirtschaft und bringen die neuesten Mittheilungen über Landwirtschaft, Gartenbau und Hauswirthschaft. Azeigen à 20 Pf. pro Corpusspalteile finden in der „TILSITER ZEITUNG“ die grōfste Verbreitung. DIE EXPEDITION DER „TILSITER ZEITUNG“ In Moskau nimmt Annoncen & Abonnements zum redactions Preise entgegen das Central Annoncen Bureau L. Metzl. Moskau, Petrowka, № 6.

ВЪ РЕСТОРАНѢ „ЯРЪ“

завтраки ежедневно отъ 11 час. утра до 3-хъ часовъ—по 75 коп.,
обѣды отъ 3-хъ до 7 час. по 2 р. 25 коп.
Кухня въ распоряженіи Висконті, — содержатеть АКСЕНОВЪ.

ЦѢННЫЙ ПОДАРОКЪ.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ВСѢХЪ И ОВО ВСЕМЪ:

НЕВА 4000 столбцевъ текста съ множествомъ прекрасныхъ рисунковъ лучшихъ художниковъ.
 Ежедневное приложение: иллюстрированный журналъ романовъ и повестей.
 Ежемесячное приложение: полный журналъ парижскихъ модъ.
 Печать и бумага великоформатная. **РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ** (выставка въ конторѣ) по выбору гг. подписчиковъ. Новые абоненты получаютъ журналъ съ № 1.
 Текстъ подвергается самому строгому выбору; печатающіеся теперь четыре романа полны столь захватывающаго интереса, что подписчики ждутъ продолженія съ величайшимъ нетерпѣніемъ.
 Годовая цѣна только 5 р., съ перес. 6 р., и 50 к. упаковку и пересылку премій.
 Съ столь любимымъ публикой «Иллюстр. Вѣстникомъ» 8 р., съ перес. 9 р., и 50 к. за упаковку и пересылку премій. **ГЛАВНАЯ КОНТОРА:** Исаакіевская площадь, № 6, уголъ Большой Морской, въ С.-Петербургѣ.

НАСТОЯЩАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПАПИРОСНАЯ БУМАГА „АБАДИ“

въ листахъ и въ книжкахъ, въ С.-Петербургѣ, Гороховая № 5, въ складѣ Генриха Кохъ, представителя фирмы Фридр. Крона и К^о. въ Одессѣ, единственнаго Дешо для всей Россіи фабрики Абади и К^о въ Парижѣ.

БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Всемірно известное настоящее
признано известнейшими авторитетами, какъ самое лучшее и чистѣйшее изъ всѣхъ существующихъ мылъ; оно превышаетъ своимъ качествомъ и своимъ дѣйствіемъ на чистоту и нежность кожи всѣ доселѣ известныя мыла.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ВАЖНО ДЛЯ ПОКУПАТЕЛЕЙ:

Чтобы различить настоящее Д-ра Ленгиля бензоевое мыло отъ поддѣлокъ, мы просимъ обратить вниманіе на то, что наше настоящее бензоевое мыло продается только въ обертаѣ бумаги оранжеваго цвѣта, на которой находится надпись:

или на несскомъ и францускомъ языкахъ
Savon de Benzoe de
Lengiel.

или на нѣмецкомъ языкѣ:
Dr. Lengiel's Benzoe Seife.

Цѣна за большой кусокъ 50 коп., за малый кусокъ 35 к.

Вновь открытыя магазины подъ фирмою: «Южный табачный магазинъ»

въ Москвѣ.

- 1) Газетный переулокъ, домъ Кн. Шаховскаго (между Никитской и Тверской ул.).
- 2) У Мясницкихъ воротъ, д. Кабанова.

ГЛАВНОЕ ДЕПО турецкаго табаку и папирсы Одесскихъ фабрикъ: З. ПАНДАКИ и Г. КУФУДИ; Курской КОЙЛО и Феодосійской — ЧЕМБЕРДЖИ

Турецкій табакъ Одесской фабр. ЛАМБА ГИЛЬЗЫ изъ настоящій фр. бумаги АБАДИ.

ГАВАНСКІЯ СИГАРЫ собственной выписки.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Между субстанціями, доставляемыми намъ природою для украшенія тѣла, отличаются соки нѣкоторыхъ растений, и въ числѣ ихъ неоспоримо первое мѣсто занимаетъ сокъ березоный.

Сокъ этотъ, когда находится еще въ природѣ, не имѣетъ такихъ качествъ, чтобы можно было его употреблять съ успѣхомъ въ лѣченіи разныхъ кожныхъ недуговъ. Почти чудесное дѣйствіе, производимое этимъ сокомъ, онъ приобретаетъ только тогда, когда претворится въ бальзамъ, каковая перемѣна совершается съ помощью примѣненія новѣйшихъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ области химіи. Если этимъ бальзамомъ обмазать съ вечера лицо или другіе части тѣла, то по утру кожа лунится, почти незаметно, и дѣлается бѣлою и мягкой. Бальзамъ сглаживаетъ также морщины и оспины, украшаетъ лицо цвѣтомъ юности, уничтожаетъ въ непродолжительномъ времени веснушки, родимыя пятна, красноту носа, угри и всякую другую нечистоту кожи. При постоянномъ употребленіи этого бальзама, цвѣтъ лица принимаетъ свѣжесть юности, сохраняющуюся до пожилыхъ лѣтъ.

Извлеченіе изъ разсказа г. профессора Распи, прокурора Вѣнскаго университета, о березовомъ бальзамѣ. «Матеріи, рационально избранныя для составленія этого косметическаго средства, способны не сравненно болѣе, чѣмъ какое нибудь другое средство, красивому цвѣту лица. Для скорого и совершеннаго возобновленія кожного организма послѣ оспы, бальзамъ этотъ представляется самымъ лучшимъ лѣкарствомъ».

Извлеченіе изъ разсказа доктора Юнгера, о способности березоваго бальзама для сохраненія и украшенія кожи. Докторъ Юнгеръ въ трактатѣ о средствахъ для сохраненія и украшенія кожи, сказалъ слѣдующее: «красивая кожа есть отраженіе внутренняго физическаго челювѣка, и если она имѣетъ свѣжій и сіяющій цвѣтъ, то этимъ увеличивается блескъ красоты, преимущественно у женщинъ. Березовый бальзамъ доставляется намъ самой природою и, какъ я удостовѣрился многократнымъ опытомъ, свое цѣлебное дѣйствіе приобретаетъ, — благодаря ароматическимъ и этерическимъ веществамъ, входящимъ въ его составъ. Одно изъ этихъ веществъ растительное и, какъ глицеринъ, быстро проникаетъ въ поры кожи и оживляютъ дѣятельность кожного организма. Другая ароматическая матерія доставляетъ кожѣ способность принимать въ себя освѣжающій элементъ атмосферы, посредствомъ котораго образуется свѣжій и здоровый цвѣтъ лица, и въ тоже время нечистота, находящаяся подъ поверхностью кожи, совершенно устраняется. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ косметическихъ веществъ, первое мѣсто занимаетъ березовый бальзамъ и, произнося это мнѣніе послѣ долгаго опыта, я смѣло могу рекомендовать частое употребленіе этого лѣкарства и вполне увѣренъ, что слова мои будутъ оправданы практикою».

Все сужденіе о бальзамѣ доктора Ленгиля: «Обращая вниманіе прекраснаго пола на природное косметическое вещество, съ отличными качествами котораго не сравнится никакое другое вещество, и основываясь также на мнѣніяхъ большинства врачей объ успѣшномъ дѣйствіи этого косметическаго вещества, я дѣлаю

это въ виду общей пользы, по собственному опыту и убѣжденію. Все косметическія средства, даже наиболѣе хвалимыя, содержатъ вещества небезвредныя для кожи, которая по продолжительному употребленію этихъ лѣкарствъ выветъ и покрывается морщинами. Достояннѣйшее мѣсто между этими средствами занимаетъ березовый сокъ, какъ вещество доставленное намъ природою, которое очищаетъ и украшаетъ кожу. Опытномъ врачей доказано, что березовый сокъ имѣетъ особенное вліяніе на поверхность кожи, гдѣ всякая нечистота химическимъ путемъ растворяется и, посредствомъ воды, легко устраняется. Сокъ этотъ, заключающій въ себѣ также питательныя вещества, какъ доказываетъ химическій анализъ, сохраняетъ подъ кожею жиръ и, вслѣдствіе этого, особенный блескъ кожи, доставляющій ей нѣжность и упругость, каковыя качества представляютъ первыя условія для красоты кожи. Этимъ средствомъ кожа приобретаетъ сіяющій цвѣтъ и преждевременныя морщины становятся невозможными».

Членъ многихъ ученыхъ обществъ.

Др. А. Раудницъ.

ПРАВИЛО ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ.

Вечеромъ намазываютъ бальзамомъ пораженныя части и трутъ до тѣхъ поръ, пока бальзамъ сдѣлается бѣлою молочною матеріей; передъ сномъ же слегка вытираютъ намазанныя части, не осушая ихъ совершенно.

Утромъ наливаютъ въ умывальникъ, въ холодную или теплую воду, около трехъ ложекъ бальзама и обмываютъ намазанныя части съ помощью бензоенаго мыла. Послѣ перваго употребленія кожа становится мягкой и нѣжною, и такъ какъ вслѣдствіе этого воздухъ и солнце сильно дѣйствуютъ на нее, то должно прежде выхода изъ дома обмазать пораженныя части тѣла масломъ или помадой и вытереть послѣ сухимъ полотенцемъ.

Méthode de l'usage du baume de boulean.

Le soir, on frotte du baume les parties en question et on continue le frottement jusqu'à ce que le baume a l'aspect d'une matière blanche et laiteuse; à la fin, avant de se coucher, on essuie légèrement la partie frottée sans la désécher tout-à-fait.

Le matin, on verse dans le lavoir avec de l'eau chaude ou froide à peu près trois cuillères de baume et ensuite on lave les parties frottées à l'aide du savon de benzoë.

Après avoir fait l'usage du baume une seule fois, la peau s'attendrit au plus haut degré et en conséquence elle devient très-sensible à l'air et du soleil. Avant de sortir, il faut donc frotter de l'huile ou d'une pommade de peau les parties du visage, qui sont exposées à cette influence extérieure et puis on essuie et sèche parfaitement les parties graissées de la peau.

Цѣна за флаконъ 1 р. 65 коп. Гг. иногородныя прилагаютъ на почтовую пересылку 60 коп. Дѣпо въ Москвѣ, у Гетлингъ и Штокманъ на Петровкѣ, Р. Кѣлеръ и К^о на Никольской, у К. Феррейнъ на Никольской и во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

50.00

Барышня до поступления въ классъ.

La lange aplatée.

Ouvrez bien!

Pianissime...

„Самъ“ магъ и чародѣй.

Faites la diaphragme...

Fortissime.

Sous file.

Respirez bien!

Выучаеь!

Классъ пѣнїя по новѣйшему методу.

ЦУНБ
им. Н. А. Некрасова

2 000001 340011